

ЦВЕТЕНИЕ

Фото Р. РАКАУСКАСА

Карло КАЛАДЗЕ

**Если я проживу
сто лет...**

Если я проживу сто лет,
Кто же так любит меня,
Как люблю я белый свет,
Эти горы в синих днах?
Словно я солнце, в далекий путь
Проводят мои деревья.
Стон руки мне прегнуты,
И в горсти моей — синева.
Я в дороге встречаю зарю,
Что идет из небесных ворот.
Здесь я с солнышком говорю,
Здесь я чувствую крылья разворот.
Утром трапезит звезда
Обещает мне свет дневной.
Из ущелий бежит вода,
Словно спасла вселед за мной.
Реки рядом со мной бегут,
И с водой сквозь сотни запруд
Пробиваются груды камней.
Обойдя родные края,
В напряжении зрелых сил
Сто ущелий прорвал я
И мостами соединил.
Наковальня моих горы,
Может быть, для меня кувет
День последний моей поры,
Миг прощальной моих бот.
Поклонюсь я родным местам,
Поклонюсь новым родням...
Положите же камень там,
Где мой дух покинет меня.

**Клены на пути
в Бештау**

Ах, клены осенние,
кто вас замеч
На многих извилистых
горных дорог?

НОВОЕ ИМЯ

Биография Кадила Араплава схожа с биографией многих его сверстников. Отец со своим на фронте, и бывший отец писал всю историю труда — послевоенные детство. Он же, родившись в 1945 году, начал писать в 1960-х годах, когда в стране, по-тому учился в инженерном, училище.

Еще со студенческой поры его стихи привлекают внимание читателей в краинских антологий, таких как философскую осмысливание жизненных явлений, яркий метафоричностью. Пишет он о судьбе своего поколения, об ответственности человека перед временем, о счастье жить и труиться на земле.

Ахмад ХАМИМОВ

Кадим АРАПЛАВЕС

Таналык

Лишился одолова Илья
Башкиры назовут джигитом...
Немало живет я земель,
рек и морей в пути открытым.
Но как бы ни были они
величественны, все — не равня
тебе, моя Таналык... Прими
в который раз привет синийный!
Твоя бесконная вода
в который раз меня приветит;
твой пульс не троекратный год,
твой Таналык, ты чист и светел...
И анова, прикладывая путь
гигантский, освещая степи,
мы повторим: не забудь,
что есть Таналык на свете...

Корабли

Бежит мой сын по берегу реки
и весело кораблик подгоняет...
Ах, если бы я мог впередионки
с ним побежать, пусть ветер догонает!..
И я гонял, бывало, корабли
бумажные, с волнистыми сорванными.
Их паруса расстали, вдали,
так же промелькнули детство, юность...
Постой, чудак! Но вот бежит малыш,
мой сын бежит и подгоняет лихо
кораблик... Память, ты ли не спешишь,
хотя нет ветра и на пирсе тихо!

Лета миновали.
Пожухли слова,
Листья раскрывались,
и никак листа.

И вот седина,
откровенно светла,
Не только на тучи —
на горы легла.

И ветра в деревнях
пронзительны свист,
И медленный лист
ударяет о лист.

Свечение кленов
подобно огню,
Который в душе
я ревниво храню.

Когда к самому
не случалось пытать,
Огонь этих кленов
не смог бы понять.

О кленах с тобою
пою в тишине,
И клены сумели б
сказать обо мне.

В пути на Бештау
кленовая рать
Горит и горит
и не хочет сгребать.

■
Едва ли успею взглядом удержать
Зимы изумрудное появление,
И снег при солнце, и морскую гладь.
Какой-то странный полдень, воскресенье.
Ненастия нет, тогда чем обыкнется?
Любознатый сердцу птиц изменившее?
А деревья в снегу желт воспарили.
Коры-то спасли, снега — полынь, воскесенье.
Восхитившая меня неизразимо
Успела взглядом удержать едва ли
Заебощую в Сузум зиму...

Перевод с грузинского
Лев ОБЕРОВ

Когда на берег жизни я ступил,
меня наставил благословила мамина:
Она мне показала крошки сил
и добрых слов сказала мне немало:
«Смотри, как море жизни велико
и как бурлит, не зная перерыва.
Тебя сынок, придетс тебе нелегко,
за парусом следы ты терпевши.
Всепереди: и штормы, и ветра,
и ночи, и грохочущие подины,
и штили, чьи обманчивость добра
по внешности лишь только...
Это — помни!»

Так матя меня напутствовал, так
я сам сперва постигал премудрость
огромной жизни: маленький моряк,
встречая дистроиную труду!
И так мы спускаем корабли
из разливанной бумаги...
Они еще придут на край земли,
они еще потребуют отваги!

Жизнь — море! Каждая: твоя, моя...
И черный цвет порою спорит с белым.
Но корабли, что ты послал в моря,
дойдут до цели, споря с ветром смело.

■

Борозда мира

Пришел солдат на поле боя,
и память воскрайши бой,
как будто сам перед собою
опять прошел он молодой.
Нет, это син прошел по полю,
спеша ехать перепахать,
чтобы в мире стало меньше боли,
чтобы память стремилась всплыть,
чтобы не траурая лентой
прошла за плугом борозда,
а мирной дорогой в лето,
дорогой мира и труда.

Как горячка земля? Как масло,
горит. Ладони только троны!
Как много здесь сердце погасло
и — передало свои огни!
Сидят старик в траве поодаль,
сидят, склонившись к борозде.
Сяди, не беспори он борозд.
может, с полем — о судьбе:

«Ты, поле, было полем боя,
ты, поле, тружинчицы...»

Но с новой, мирную субью
тебя сроднила сегодня сын.

И пусть здесь вырастет пшеница,

собой наполнит закрома.

Пусть звезды земли стоящей

за годы, что глубина тьмы.

Пусть ясные восходят зори,

и пусть огни на северо-западе

украсят праздничным узором

твой облик

мира борозда!»

Перевод с башкирского
Анна ШИГЛЕВА

Анатолий КОВАЛЕВ

Грозные годы

И старый, и юный
Опять вспоминают
Двадцать второе июня
И девятого мая...
Год сорок первый —
Треклятый
И благовестный .
Год сорок пятый.
Те годы нерасторжимы,
Как овраги и взгорья,
Как побратимы
И торжество, и горя.
Есть даты —
Они как солдаты,
В рост встававшие грозно и просто,
Пришедшие к нам из железных раскатов
Невместного бронзовы поступью
И в орехе шинельных скаток.

Снега по дорогам
К весне пропадают,
Черный же снег похорон
Никогда не растет.
Но свет раздольный
Под небом
И чернодолье
В лунах Победы.

Есть даты —
Они как солдаты,
В рост встававшие грозно и просто,
Пришедшие к нам из железных раскатов
Невместного бронзовы поступью
И в орехе шинельных скаток.

Всюю...
Ее не перенять,
Последними звонками грезами
Еще кое-где блекнут снега,
Перекликаясь с березами.

Птицы

1.

В пору надломов и гроз,
Птичьих переполохов
Выпадают птенцы из гнезд,
А выжива, летают полого,
Не поднимаются выше
Стак уже поблекший...
Выбитые и выпавшие,
Как люди из луны.

2.

К земле не прижалась загнано!
Что подняло их? Что светят в пути?
Краинки, обессилены, летят энзагами,
А может быть, есть он — ветер судьбы?
Что всторвит и с чем простишь,
Взмахами трассы свою проводя?
...Борются, борются, борются птицы
И задевают за провода.

■
Мгновенье блаженства — немо.
Оно промелькнет по лицу,
Как ульбка прозрачного неба.
И как робеющий поцелуй.

Мгновенье блаженства — радчайше.
В нем осмыслилась слитность,
Сбегающихся ручайками
Солнечный слиток.

Мгновенье блаженства — мстительно.
В нем невозмутимой гене,
Ошарашит мыслителя.
И исчезнет мгновенно.

Любовь**восьмидесятых**

Нас пеленают заснежки мирные,
Нас не швыряют воздухом смытые,
И озаряют зарницы смиренные
Молодост восыпанных.
А спорим мы о галактиках,
А спорим мы о чём,
Спортивно пасуем галантностями,
Как футбольным мячом.

Нет, наша любовь не джинсовая
И, не во всем безупречна,

Она — по-старому новая,

И по-новому человечна.

Мы обещать не привыкли многое,
Дело есть дело — прежде исполны,
И привыкли оности моного
Следом бы было заслонено.

Мы — саженцы акселерации,
Вытаягиваем вверх,
И всходы любовь плющанием
Украшают наш век.

Нет, наша любовь не джинсовая
И, как в бытом,

не во всем безупречна,

Она — по-старому новая
И по-новому человечна.

Реченька

Иду вдоль реченьки узкой,
Задумчиво, рабко,
Вдоль реченьки русской,

По заросшей тропке.
Я ей заветным обязан,
С нею останусь в закатные годы,

Пока не поникнут печальные вязы,

Пока не сокрушит темные воды,
Шаги моя вдаль относит,
Как листья течением,

По реченьке осень Удлиненной темно.

Молчит моя наянядляка,
Винимательно, грустно,
И катится гладко,
Не менят русы.

Я ей заветным обязан,
С нею останусь в закатные годы,

Пока не поникнут печальные вязы,

Пока не сокрушит темные воды.

НОВОЕ ИМЯ

Лев ОШАНИН

В стихах Светланы Вишневской, которые я читал, блескет истинно поэтический талант. В творчестве Вишневской точность наблюдения, изысканность речи, смекша, интонации.

Я советую читателям внимательно прочитать эти стихи — за то, что мы будем с ними часто встречаться.

Лев ОШАНИН

Светлана ВИШНЕВСКАЯ

■

Весна, где он, где твой мальчишка
с велосипедом голубым?

Мелькают дни, мения числа —
пошли за ним! Пошли за ним!

Пошли за ним, капели,

свои утренние ручьи,

и тропуры, и аллеи,

и птицы, и утро, и ночь.

Мильяны лет до нашей арки,

столетья долгие потом

все весны разыграют хотели

все то, что выразили в нем,

и не экономят на движенье,

не покидаются на поры,

мальчишку словно от рождения

всплыл из океанического океана.

Деревлия — почки, лугу — травы,

а зот ачу — велосипеды.

Весна в своих изысканьях и грации,

и сине свои менять не сбейд.

пусть первой брызнувшей водою,

пусть самой первой ольхой,

из общего голубизны

апрель встречается со мной.

Когда-то сверстницей была я
мальчишкам этим заводным...
Пора наевки голубой

за лесом голубоголовым.

Пчелы к цветоцапкам летят,
лапки в жар и племян погружают,
в солнце золотом дотык сжигают

легкий шарк, каждый шарк, каждый миг.

В углах и медовых, и сухих
словно дуновенье пробегает,
но недаром — молон гречин

в этом поле, в этом поле, тихий
затекло в подсолнухи, в янтарь.

Будто проросли и облака,
на земле распаханы и черной,
будто в зреи зреют зерна,

будто знает их моя рука.

Будто бы сейчас издалека
песня, не затихнув, воротилась.
Радость, не растаяв, воротилась

плечкою голодной из лягушки.

Сыплется с подсолнуха пыльца.

Солнце оседает на расинках.

Есть всему начало — говорится.

Но и говорится: нет конца.

■
Лист лакового влевает в небеса,
отбросив почки, как спущен ракеты,
и солнца, и безветреня согретый,
он слет в эфир живые голоса.

Зеленый, кудрявый кончикос!

Вращаясь на плантаже вместе с нами,

толстей, питающей СО2, лучами,

и распуская скрипящий покосок...

ЧЕМПИОНАТ ПО СМЕХУ

Тур № 6

ПРЕСС-БЮЛЛЕТЕНЬ ШТАБА ЧС

Штаб ЧС со всей присущей ему категоричностью и помимо всеми чувствами ответственности извещает всех замечательных лиц к организации в целом, что чемпионат по смеху продолжается! Штаб, отложив все свои текущие служебные и личные дела, обратился к открытию с оценками: «Что тут? Причём обратиться без помощи электронно-счетной аппаратуры нечестно!»

Вот некоторые беспристрастные и непредвзятые жюри, произведенные объективным штабом на основе публичных оценок «честного журналиста», места и баллы распределены следующим образом:

Ф. Тимин — 7,3 . . . . .
В. Котенко — 6,1 . . . . .
З. Паперный — 6,1 . . . . .
Н. Елин, В. Кашев — 5,95 . . . . .
М. Кравчук — 5,6 . . . . .

Штаб ЧС, последовательно и наизнанку проводя свою линию, еще раз напоминает авторам, набравшим меньше баллов, что количество баллов, считать свои превозносящие хорошины, с учетом, что другие производители — еще лучше. Вплоть до неотъемлемых шедевров.

Итак, на марте — шестой тур. Шире шаг, уважаемые авторы и читатели судьи!

ИЗ ЦИКЛА
«РАССКАЗЫКИ»

Ал. ПУТЬЯЕВ

ЗА ЧАС
ДО
ПРЕМЬЕРЫ

Петр Анагорьевич был уже почти одет и теперь, прохладясь на комоде, потопталился жено-

— Зинок, сколько можно крутиться перед зеркалом?

— Не говори под дурака! — убирала она в ящике кечетичную кардигановую юбку в уголке глаза.

— Так ведь опаздываешь!

— Не стони! Премьера у них во сколько?

— В семь...

— А сейчас?

— Шесть...

— Да еще цепь час впереди! Твоя жена, когда-нибудь, должна выглядеть

лучше любой Джоконды.

Уже пятнадцатый

сегодня — Петя досту-

пил пальцы по цифер-

блоку. — Скоро первая

премьера. Женщины

такие, чтобы подогрев-

али в руки горячими

руками...

На другое утро, когда мужчины раздели меж-

и присунулись к ков-.

ке: головы, серты, кос,

штаны, туфли, жилеты,

головные уборы...

— Чего тебе, Нина?

— Отзовись!

— Чем? — спросила

Оксана.

— Чем? — спросила

Оксана.